

УДК 007 : 304 : 001

ЖУРНАЛІСТИКА: РАЗОМ З ЛЮДИНОЮ І КУЛЬТУРОЮ

Сергій Корконосенко

*Санкт-Петербурзький державний університет,
Університетська набережна, 7-9, 199034, Санкт-Петербург, Росія,
e-mail: pr.dept@jf.pu.ru*

У статті розглянуто дискусійне питання про перспективи існування професійної журналістики. До головних гарантій суспільно корисного функціонування й розвитку сьогодні й у майбутньому належить, з одного боку, її привабливість як професії й, з другого боку, її нерозривний зв'язок з національною культурою і способом життя людини й соціуму.

Ключові слова: журналістика, професія, національна культура, своєрідність.

Если бы мы взялись составлять рейтинг самых популярных тем, связанных с развитием медиасферы, то среди них наверняка оказался бы закат профессиональной журналистики. “Место СМИ в современном обществе, безусловно, выдуманно... Эпоха “настоящих СМИ” записана где-то в исторической памяти” [2], — устами своего медиааналитика объявляет сайт Forbes.ru. Это говорится в связи с падением уровня профессионализма и одновременным ростом претензий на общественное влияние. “Нет такой профессии — журналист: во всяком случае, журналистике нельзя научиться в учебных заведениях... Профессиональный журналист — это ничто. Это мыльный пузырь”, — со своей стороны добавляет редактор делового издания Forbes на менеджерском сайте E-executive.ru. И, в духе новейших веяний, выражает уверенность в том, что так называемая гражданская (народная) журналистика служит примером независимых СМИ, а лучшее, что появилось у нас за последние годы, — это блогосфера [5]. Конечно, можно было бы, с опорой на законодательство и исследовательские данные, без особого труда доказать, что блоги не имеют ни малейшего отношения к СМИ. Но нас сейчас больше занимает ясно выраженная мысль о том, что профессиональная журналистика утратила свою ценность для общества и, соответственно, привлекательность как сфера занятости.

Цель нашей статьи заключается в том, чтобы с опорой на факты, а не частные оценки рассмотреть перспективы сохранения журналистики как среды существования человека и общества. Мы предполагаем, что в этом случае возникнут поводы для сомнений в обоснованности приговора профессиональной прессе. Вот некоторые факты, собранные из разных источников. Сайт “Dw-world.de”, со ссылками на руководителей Немецкого союза журналистов, сооб-

щает, что журналистика для многих молодых немцев является профессией-мечтой. Все школы журналистики (а их в Германии 16, не считая университетских кафедр) пользуются очень высокой популярностью. Так, в Берлинскую школу журналистики на 16 мест ежегодно поступает около 1000 заявок. Поэтому соискателям нужно настроиться на строгие правила отбора в несколько этапов [7].

“Средний” журналист зарабатывает, как правило, меньше, чем PR-специалист. И потому у первого часто возникает соблазн примерить на себя “пиар-одежды”... необходимо констатировать: он “умер” для журналистской профессии...” [6, с. 29], — комментирует профессиональную мобильность в своей стране американский журналист. Трудно не уловить здесь интонацию сожаления о разлучении с особенной средой обитания, которая сама по себе представляет для профессионала ценность и утрату которой не компенсируют обретаемые материальные блага. “...О всемогущий издатель газету нашу насущную даждь нам днесь” — говорится во внутреннем монологе персонажа “Улисса”, иронически и одновременно всерьез, как это часто бывает у Дж. Джойса. Вряд ли эта пародийная (только по форме!) молитва была бы органичной по отношению к другому производству, на которое переключается вечерний журналист. Джойс выражает стандарты восприятия мира, господствовавшие столетие назад; другие приведенные нами примеры порождены текущими годами. Но во всех случаях проявляется отношение к журналистике как к неперемennomу спутнику человека в его жизни и неотторжимой части общественного бытия. Скажем определеннее — как части культурного пространства, в котором живут и человек, и общество.

Необходимость апеллировать к культуре ясно проступает из знакомства с еще одним фактом — парадоксальным для нашего контекста, по первому впечатлению. “В то время как по всему миру кризис загоняет в угол самые успешные и ранее процветавшие газеты, журналы, телеканалы и радиостанции, одна группа СМИ чувствует себя бодро как никогда — массмедиа для этнических меньшинств... — с долей удивления замечают наблюдатели. — Особенно ярко эта тенденция проявляется в США, где афроамериканцы, китайцы и выходцы из Латинской Америки составляют больше трети населения страны”. По оглашенным на конференции 2009 National Ethnic Media Expo & Awards исследовательским данным, аудитория этнических медиа в США выросла на 16% за последние четыре года. В среднем 82% цветного населения Штатов читают, слушают и смотрят этнические СМИ [1]. Думается, что не надо тратить аргументы для доказательства очевидного: представители меньшинств стремятся сохранить родственную им культурную среду, воплощением которой служат медиа. Какими бы неудобными ни были подчас причины и эффекты этих процессов (например, этнический изоляционизм), мы отчетливо видим отношение к медиа как к национально-культурной ценности, пусть и в несколько специфическом измерении.

Впрочем, на эту тему в научной литературе встречаются обобщения и куда более широкого порядка, более того — год от года заявления делаются все категоричнее и острее. Сошлемся на полемику, развернувшуюся между крупными европейскими исследователями медиасферы. Так, Д. Маквейл настаивает, что “в коммуникационной отрасли существует дополнительный фактор унификации, а именно — стимул к развитию возник главным образом из применения

ряда коммуникационных технологий (массмедиа), почти... одним и тем же способом, независимо от национальных различий... Даже когда Европа была разделена на Восток и Запад, можно было найти сходные составы медиа и гражданских институтов, даже если различались цели и формы контроля” [10, р. 282]. Однако французский профессор Ф. Кабедош, выступая от лица своей национальной коммуникационной школы, настаивает на том, что информационные и коммуникационные технологии сопровождают, а не определяют социальное изменение, то есть они никогда не становятся единственной причиной фрагментации публичной сферы. Он показывает эволюцию французской школы, преодолевшей первоначальный функционализм и завоевавшей мировое признание благодаря собственным оригинальным концепциям. Автор приводит длинный ряд ярких имен, за каждым из которых стоит самостоятельное направление теоретической мысли: Леви-Стросс, Сартр, Бурдьё, Фуко... [8, р. 305].

Игнорировать такие аргументы невозможно, и Маквейл тоже вынужден признать, что существует некоторое разнообразие в исследованиях медиа в Европе, при общих американских истоках. По его оценкам, не так уж много претендентов на то, чтобы отвечать критериям национального своеобразия. В конце XX столетия в их числе были, возможно, только Франция и франкоязычная область, Соединенное Королевство, Германия, Скандинавский и Средиземноморский регионы. Как несложно заметить, в списке фигурируют крупнейшие цивилизации континента — и нет Восточной Европы, в том числе России и Украины. Причины, несомненно, заключаются и в том, что отечественная наука в последние десятилетия с неуместной поспешностью воспринимает “универсальные” западные лекала, и в том, что для европейских специалистов “восточная” теория медиа и журналистики до сих пор остается *terra incognita* — они просто не включают ее в сферу своего внимания. Вместе с тем имеет смысл посмотреть на основания, по которым выделяются национальные школы, в частности во Франции и Великобритании. Вот некоторые из них:

— интеллектуальные корни и происхождение, не только в коммуникационной науке, но часто также в философии, политической и социальной теории, литературе; существование или отсутствие школы истории медиа или коммуникации (например, национальной прессы);

— основные социальные и культурные особенности, прежде всего религиозные и этнические различия. Кроме того, исторический опыт национального государства в геополитической и экономической сфере: имперские традиции, войны и конфликты, иноземное правление, внутреннее инакомыслие, революции и другие значимые события;

— национальные политические императивы в подходе к культурно-лингвистической сфере, экономическому, административному, технологическому развитию и т. д. [10, р. 288, 286].

Было бы крайне странно не увидеть в этом “зеркале” отражение уникальной судьбы своего отечества. Не повторяя перечисленные факторы, скажем с уверенностью, что все они в высшей степени были характерны для России и Украины в прошлом и не перестали действовать в настоящем. С учетом этого обстоятельства необходимо признать, что отечественная журналистика (как и наука о журналистике) не может не нести в себе черт национального своеобразия, не говоря уже о психологически оправданном нежелании становиться бледной калькой с американского прототипа.

Вместе с тем перспектива утраты своеобразия сегодня представляется совсем не фантастической. К примеру, иностранные наблюдатели эволюции российской системы медиа в последние десятилетия пишут, что она уникальна в своем историческом развитии, однако “ее современный характер больше не является чем-то особенным, а, скорее, служит более или менее типичным случаем для того, чтобы выявлять универсальные проблемы” [11, р. 186]. Универсализация в культурной сфере только очень неглубокому уму может представляться желанным благом. Вряд ли кто-либо из серьезных наблюдателей станет отрицать, что через прессу самым активным образом проводились и проводятся идеи об отказе от “архаичных” культурно-ценностных приоритетов и необходимости перенять западные стандарты. Смещения оказались значительно более резкими, чем, возможно, предполагали сторонники этих идей: мы не столько уравнились с Европой, сколько в очередной раз отклонились от гуманитарных магистралей. В частности, изучение ценностных ориентаций российского населения в сравнении с другими европейскими странами выявило, что “у сегодняшнего среднего россиянина крайне слабо выражены надличные ценности, связанные с заботой о благополучии других людей, о равноправии и терпимом отношении к ним, а также с заботой об окружающей среде, и, наоборот, крайне высока значимость противостоящих им “эгоистических” ценностей”. По этим показателям Россия опережает почти все остальные страны, и, в целом, “установившийся сегодня в обществе баланс между ценностями конкурентного индивидуализма и солидарности не является оптимальным” [3, с. 47-48].

Думается, что стоит внимательно прислушаться к мнению тех зарубежных специалистов, которые оценивают проблему национального “лица” прессы в широком культурном контексте. Так, американский профессор заявляет, что “нет журналистики “вообще”. Она меняется в зависимости от духовной культуры, присущей той или иной стране, особенностей ее исторического опыта... В одном государстве может быть допустимо то, что в другом считается оскорблением, покушением на моральные устои” [3, с. 6]. Сошлемся также на сравнительное исследование факторов влияния на характер журналистского труда, проведенное в 18 странах мира. Как выяснилось, сильнее всего ощущается влияние привычных организационных и профессиональных условий, отнюдь не экономических или политических различий между государствами. Соответственно, авторы делают вывод о “важных различиях между журналистскими культурами на земном шаре. Если и существует такое явление, как глобальное единообразие, то... ему еще предстоит пройти долгий путь становления” [9, р. 398]. Наконец, финские специалисты, отлично знающие Россию, утверждают, что “нельзя ни пренебрегать культурными факторами, ни придавать им мистический смысл... Общие социологические концепции полезны, но только если была принята во внимание историческая особенность российских условий”. Они присоединяются к мнению других зарубежных специалистов, которые полагают, что, в общем плане, капитализм западного типа не может быть просто трансплантирован, в частности, в Россию, из-за огромных культурных и идеологических различий. А в конкретном случае теории и практики прессы “евразийство” может служить отличительным элементом для рождающейся модели медиа в России [12, р. 152, 157].

Таким образом, ни с точки зрения личного спроса на занятие журналистикой, ни с позиций национально-культурной детерминированности прессы

нет твердых оснований отрицать ее жизнеспособность. Если мы наблюдаем в ней изменчивость синхронно с динамикой мира, то это, напротив, доказывает ее жизненную силу.

1. *Алексеева А.* Превалирующее меньшинство. Этнические медиа — новый флагман американских СМИ. URL: <http://www.chaskor.ru>.
2. *Гатов В.* Журналисты не понимают, что их эпоха прошла. Битву за роль “четвертой власти” ведут не СМИ, а новые партизаны Wikileaks. URL: <http://www.forbes.ru/tehnno-opinion/budushchee/61484-zhurnalisty-ne-ponimayut-cto-ih-epoha-proshla>.
3. *Магун В., Руднев М.* Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. 2008. № 1.
4. *Моулд Д.* Этот огромный, огромный мир... Живя в нем, непросто достичь единого понимания ценностей // Медиа-дискурс. 2008. № 3.
5. *Расходов П.* Ольга Романова: “Мы существуем для пяти процентов населения”. URL: <http://www.e-xecutive.ru/knowledge/russiantoplist/1428358/>.
6. *Скрапински К.* В чем сближаются интересы двух профессий // Журналистика и медиарынок. 2009. № 1.
7. *Сосницкая О.* Профессия журналиста в Германии: через тернии к звездам? // Dw-world.de. 19.05.2009. URL: <http://professionali.ru/Topic/1637155>.
8. *Cabedoche, Bertrand.* Communication and Media Studies: The French Tradition(s). Keys Concepts and Key Schools // Communicative Approaches to Politics and Ethics in Europe: The intellectual work of the 2009 ECREA European media and communication doctoral summer school / Ed. by Nico Carpentier, Pille Pruulmann-Vengerfeldt, Richard Kilborn, Tobias Olsson, Hannu Nieminen, Ebba Sundin, Kaarle Nordenstreng. Tartu, 2009.
9. *Hanitzsch, Thomas, Mellado, Claudia.* What Shapes the News around the World? How Journalists in 18 Countries Perceive Influences on Their Work // Diversity of Journalisms. Proceedings of ECREA/CICOM Conference, Pamplona, 4-5 July 2011 / Ramón Salaverría (ed.). Pamplona (Spain), 2011.
10. *McQuail, Denis.* Diversity and Convergence in Communication Science: The Idea of ‘National Schools’ in the European Area // Communicative Approaches to Politics and Ethics in Europe.
11. *Nordenstreng, Kaarle.* The Russian Media System: Something Special? // Content, Channels and Audiences in the New Millenium: Interaction and Interrelations / Elena Vartanova (ed.). Moscow, 2010.
12. *Nordenstreng, Kaarle, and Pietiläinen, Jukka.* Normative Theories of the Media: Lessons from Russia // Media, Communications and the Open Society / Ed. by Yassen N. Zassoursky and Elena Vartanova. Moscow, 1999.

JOURNALISM: TOGETHER WITH THE PERSON AND CULTURE**Sergiy Korkonosenko**St. Petersburg State University,
University Embankment, 7-9, 199034, St. Petersburg, Russia**E-mail:** pr.dept@jf.pu.ru

In the article the debatable question on prospects of existence of professional journalism is considered. The group of the main guarantees of socially useful functioning and development of journalism, today and in the future, includes, on the one hand, its attractiveness as a profession, and, on the other hand, its indissoluble communication with national culture and a way of life of the person and society.

Key words: journalism, profession, national culture, originality.

ЖУРНАЛИСТИКА: ВМЕСТЕ С ЧЕЛОВЕКОМ И КУЛЬТУРОЙ**Сергей Корконосенко**Санкт-Петербургский государственный университет,
Университетская наб., 7-9, 199034, Санкт-Петербург, Россия**E-mail:** pr.dept@jf.pu.ru

В статье рассматривается дискуссионный вопрос о перспективах существования профессиональной журналистики. В число главных гарантий общественно полезного функционирования и развития журналистики сегодня и в будущем входят, с одной стороны, ее привлекательность как профессии и, с другой стороны, ее неразрывная связь с национальной культурой и образом жизни человека и социума.

Ключевые слова: журналистика, профессия, национальная культура, своеобразие.

Стаття надійшла до редколегії 01.09.2011

Прийнята до друку 26.09.2011